

Но и с «Квартиры Коломбины» в Питере у нас ползала ушло, хлопая дверями, хотя это был блестящий спектакль «Современника»

Семеновны Гинзбург и все судьбы взяты из жизни. И все живое — живая кровь, живые страдания, живые слезы. Такая могучая прорва судеб заложена — они опаляют, они бездонны, помимо рамок роли.

— Но чтобы сыграть роль полумасшедшей татарки Зои в спектакле «Современника», нужно было ее откуда-то черпать, хотя бы из биографии семьи?

— Нет, дальние родственники сидели, а моих близких Бог миловал. Только из прочитанных книг, из рассказов сидельцев. У нас в спектакле были женщины, которые сидели. И была одна из героинь «Крутого маршрута» Паулина Мясникова,

подруга Евгении Семеновны: в юбилейном спектакле 15 апреля сыграла, а ей уже 96 лет. Читаешь, общаешься, и это уже такая режиссура, которой не научит ни один педагог. А «Крутой маршрут» я прочла за двадцать лет до спектакля.

— Вы читали самиздат и не опасались?

— Да почти не было этого страха: это же молодость, и смелость здесь ни при чем. Не боялась никогда, что наступчат. Считала себя настолько незаметным человеком, что не до меня им: они отлавливали в других местах, а вот за тех людей, которые были у них на счетчике, боялась очень. До нас доходили слухи, что кого-то в

Питере за хранение посадили, а кто-то повесился в камере, чтобы не выдать тех, кто печатает. Среди моих близких, слава Богу, никто не попался, но читали все. «Архипелаг ГУЛАГ» я должна была за две ночи прочесть, «Доктора Живаго» дали на одну. Искандера глотала тоже за ночь, а для меня это трудно: я долго и внимательно смакую. Все это было условием существования, входило в понятия «жить», «работать», «профессия». А как иначе?

— И в «Современник», наверное, пошли, потому что он был публицистическим театром: начинал с Галича, а потом и Солженицына поставил?

— Очень любила «Современник». Ходила, смотрела все спектакли. Из-за колонны еще на Маяковке, или на полу сидела, или в толпе: у меня никогда мест не было. Но дело не в этом. Я попросилась в театр к Эфросу, а он не мог взять меня к себе: не хотел тогдашний главный режиссер Театра на Малой Бронной, где работал Анатолий Васильевич. Ну, зачем им аткриса-травести? И Эфрос мне сказал: «Пойдите пока в «Современник»: там изумительная труппа и очень хорошая атмосфера».

— Боюсь, выйдет сейчас криминальная комедия Серебренникова, и скажут — «чернуха»...

— О жанре абсолютно не задумываюсь. А потом зачем обращать внимание на газетную брань? Помню, снималась у Володи Фокина в очень сильной вещи («Пятый ангел»), мои партнеры — Алик Филозов, Юрский, Князев, Еремин — и я. Читаю в «Комсомольской правде», что мы «обмылились», «докатились до сериала». Пусть останется на совести автора. У нас сейчас такие потрясающие сериалы появились — «Штрафбат», «Идиот», «Курсанты». А «Преступление и наказание»? Топором старушку? Это у нас называется «расчлененка».

— Какая роль садилась на вас как платье?

— Пульхерия Ивановна в «Старосветской любви» Коляды самая родная. Это тоже моя идея была — инсценировать повесть. Так люблю русскую классику, а Гоголя особенно, но моя индивидуальность, что ли, никак не подпускает меня к любимой литературе. Вот только Пульхерия Ивановна «откликнулась» на